

Легенды Делхейма. Крылья тьмы

18+

Ольга Исай

Легенды Делхейма

Ольга Исай

**Легенды Делхейма.
Черные крылья**

«Автор»

2026

Исай О.

Легенды Делхейма. Черные крылья / О. Исай — «Автор»,
2026 — (Легенды Делхейма)

Она выжила на алтаре безумца, но заплатила за это дорогую цену. Она связана с Раданфиром. Но что это значит? Теперь Алису охотится император, желающий подчинить тьму. Скрываясь в княжестве Эльбор, она становится наследницей престола, заводит опасные тайны и встречает того, кто может стать её счастьем. Но тени наступают, Двери открываются, и в решающий миг Алиса должна сделать выбор между чудовищем и рыцарем.

Содержание

Глава первая. Цитадель	5
Глава вторая. Тайны	12
Глава третья. Новости	18
Глава четвертая. Черный монстр	21
Глава пятая. Деревня	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Исай

Легенды Делхейма. Черные крылья

Глава первая. Цитадель

Сознание возвращалось медленно, будто пробиваясь сквозь толщу ледяной воды. Сначала — темнота. Потом — боль. Не острая, нет — тупая, разлитая по всему телу, как будто меня переехали, а потом вернулись и еще раз переехали.

Я лежала на спине. Под спиной — холодный, неровный камень. Над головой — высокий сводчатый потолок, покрытый копотью и сетками трещин. Где-то капала вода. Пахло пеплом и... мертвечиной. Теперь-то я знала эту сладковато-противную вонь...

Я открыла глаза.

Передо мной был алтарь. Статуя Алк'айра, обнимающего себя крыльями. Та самая, у которой Приор резал меня, смешивал мою кровь с кровью Раданфира, с мерзкими зельями. Теперь статуя была покрыта копотью, часть камня обвалилась, крыло свисало под неестественным углом, но не как ломается камень, а будто у раненой птицы, словно его сломали живого существа. Вокруг — пепел, обрывки одежды, куски брони и оружие. Пепел слоем в палец, может, больше покрывал все жирным слоем, будто сверху его полили растительным маслом. В воздухе висела мелкая серая пыль, которая оседала на липкую кожу.

Я попыталась пошевелиться и зашипела от боли. Всё тело ломило. Каждый сустав, каждая мышца. Кожа горела и складывалось чувство, что меня порвали на множество кусочков и забыли сшить. Я опустила взгляд — и увидела, что моя одежда превратилась в лохмотья, пропитанные засохшей кровью. Тёмно-бурой, почти чёрной. Раны... я насчитала четыре глубоких пореза на руках, два на ногах, и ещё один — на шее, под ключицей. Они не кровоточили. Но и не зажили. Края порезов были воспалившимися, с засохшей корочкой.

Почему я жива? Точнее как?

Я с трудом приподнялась на локтях. Голова закружилась, перед глазами поплыли чёрные точки. Я посидела так несколько минут, дыша через раз, пока мир не перестал качаться.

Потом я посмотрела вокруг.

Алтарный зал был разрушен. Колонны обвалились, статуи по стенам потрескались, витражи выбиты — на полу блестели осколки цветного стекла. Свечи, которые зажигал Приор, оплыли и погасли, оставив после себя лужи воска. И ни одного тела. Ни Приора, ни его слугителей, ни стражников. Всех, кого поглотил туман, исчезли.

А Раданфир?

Я вспомнила. Чёрные бархатные крылья, распустившиеся за его спиной. Тьму, втягивающуюся в его кожу. Спутанные волосы. Тело покрытое кровавой коркой. Черные вены. Бездонные пустые глаза. Он смотрел сквозь меня. Ему было наплевать жива я или сдохла. Я уверена, что он меня даже не заметил. Просто взмахнул своими огромными крыльями и взмыл ввысь. Он вылетел в разбитое окно и ни разу не оглянулся.

— Раданфир, — прошептала я. Голос сел, хрипел. Никто не ответил. Тишина.

Я осталась одна.

Сколько прошло времени? Час? День? Неделя? Я не знала. Сквозь разбитые окна с покосившимися и вырванными рамами сочился мутный, безжизненный свет. Сутки? Утро?

Я попыталась встать. С первого раза не получилось — ноги подогнулись, и я рухнула на пол, ударившись плечом о каменный стол. Боль вспыхнула, в глазах потемнело. Я закусила губу, дождалась, пока тошнота отступит, и попробовала снова.

На этот раз получилось. Я стояла, держась за край каменного стола, и дрожала. Всё тело дрожало — от слабости, от холода, от страха.

Надо идти. Надо найти воду, еду, бинты. Иначе я умру здесь. Уже чудо, что я еще дышу. Надо этот шанс не упустить.

Не знаю сколько времени я так стояла, пытаюсь собраться с силами и сделать первый шаг. Беспокойство. Что-то на грани ощущений, но я не могла понять что именно. Когда темнота немного отступила и стало чуть легче дышать, я наконец осознала, что именно привлекло моё внимание.

Алтарь больше не светился.

Я помнила, каким он был тогда — пульсирующий бледно-голубым, как слабый пульс умирающего. Приор сказал: «Когда этот свет погаснет — мир рухнет». Неужели Сила ушла? Все как предсказал Приор. Даже умерев эта сволочь сумела подгадать всему миру. Что теперь будет?

Пол подо мной тоже был покрыт трещинами. Тонкие, едва заметные они расходились от алтаря во все стороны, как паутина. Нет — как корни. Как вены.

Я опустившись на колени, провела пальцем по трещине. Она была заполнена маслянистой жидкостью. Живой. Пульсирующей. И когда я коснулась её, меня словно ударило током — перед глазами вспыхнули образы.

Я больше не стояла в разрушенном зале Цитадели. Я была... везде. Одновременно. Мои глаза смотрели сквозь сотни глаз, мои уши слышали тысячи голосов.

Туман. Серый, густой, живой. Он полз по земле, вползал в дома, забивался в лёгкие спящих людей. Люди просыпались с криком, хватались за горло, падали. Их тела становились серыми, прозрачными, а потом — исчезали. Оставалась только одежда. Пустая. И крики — сначала громкие, потом тише, потом — ничего. Тишина. Слишком много тишины.

— Не надо, — прошептала я, но видение не отпускало.

Пустыня. Жёлтый песок под палящим солнцем. Караван — верблюды, люди в светлых одеждах, тюки с товаром. А посреди пустыни — воронка. Чёрная, глубокая, будто кто-то проколол землю гигантской иглой. Из воронки выползало нечто. Огромное, безглазое, с телом, похожим на жирный мерзкий шланг, который окунули в масло. Вонь. Пасть открывалась — и внутри, бесконечными рядами, сверкали зубы. Треугольные, острые, влажные. Он голоден. Очень голоден. В его мире не накормить уже такое огромное существо.

Червь бросился на караван. Я слышала крики. Слышала хруст костей. Видела, как песок становится красным. А потом — тишина. И снова туман.

Море. Тёмное, штормовое, с рваными барашками волн. Маленькое рыбацкое судёнышко — парус, сети, пять человек на борту. Они не видели того, что поднималось из глубины. А я видела. Сначала — тень. Огромная, размером с корабль. Потом — спинной плавник, разрезающий волну, как нож масло. А потом — пасть. Чудовище — я узнала его по картинкам из детских энциклопедий — древняя акула — мегалодон, как в фильме «Челюсти», только этот был в десять раз больше. И глаза у него были белыми, слепыми, но он всё равно видел. Видел тепло. Видел страх.

Корабль переломился пополам, как спичка. Крики, плеск, красная пена. И снова — тишина.

— Хватит, — сказала я, но видения не слушались.

Лес. Сосны, берёзы, молодой папоротник. Земля пахнет прелыми листьями и весенним теплом. Солнце пробивается сквозь кроны, рисуя золотые пятна на траве. Покой.

Из норы в земле вылезло нечто. Человекообразное — если бы человек был ростом с десятилетнего ребёнка, покрыт чёрной блестящей кожей, с маленькими розовыми глазками-точками, без ушей, с длинными тонкими пальцами и раздвоенным языком. Оно повертело головой

— и застрекотало. Громко, отрывисто, как кузнечик, только в сто раз громче. Из норы полезли другие. Десяток. Двадцать. Они стрекотали, перекликались, двигались быстро, судорожно.

А в двадцати шагах от них, в овражке, двое детей собирали травы. Девочка лет семи в выцветшем платице. Мальчик постарше — в рубаше, подвязанной верёвкой. У девочки в руках — букет первых лесных цветов. Она улыбалась.

— Бегите, — закричала я, но они не слышали.

Нечто появилось из кустов бесшумно. Оно прыгнуло на девочку, повалило её на землю. Я видела, как она закричала — но звука не было. Только раскрытый рот, широкие глаза, слёзы. Потом — красное на белом платице. Мальчик схватил палку, ударил тварь, но та даже не заметила. Из норы лезли новые. Стрекотали. Мальчик замер. Его глаза — я видела их так ясно, будто смотрела в зеркало — наполнились таким ужасом, что у меня будто остановилось сердце.

А потом на ничтожное мгновение знакомый взгляд синих как сапфир глаз.

- Алийса... — окатило теплой волной.

И все. Видение пропало.

Я стояла на коленях у разрушенного алтаря. Пальцы были сухими. Никакой жидкости не было. Трещина на камне осталась, но из неё ничего не сочило. Привиделось? Галлюцинации истощенного организма.

— Этого не было, — прошептала я. — Мне показалось. Я брежу. Раны, потеря крови, голод...

Я посмотрела на свои руки. Чистые. Сухие. Никакой чёрной жидкости. Я огляделась — пол вокруг алтаря был пуст. Ни маслянистых разводов, ни следов.

— Показалось, — повторила я громче. — Мне просто показалось.

Но я не верила себе. Потому что видела слишком отчётливо. Слишком больно. Слишком... реально.

Я попыталась встать. Ноги дрожали, но я заставила себя подняться. У алтаря больше не было свечения. Статуя Алк'айра смотрела на меня пустыми глазницами.

Я сделала шаг к выходу. И ещё один. Я шла, стараясь не оглядываться, потому что боялась, что если оглянусь — снова увижу то, что нельзя увидеть. Шла медленно, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы перевести дыхание. Когда могла держалась за стены и обломки колон и кладки. Коридоры Цитадели были пусты. Ни души. Ни одного человека. Только мои шаги отдавались эхом от каменных стен.

Я не знала, где комната лекаря. Я даже не пыталась её искать. Я шла туда, куда меня вели ноги — в ту часть Цитадели, где были покои для гостей. Где моя комната. Где была ванна.

Коридоры петляли, лестницы вели то вверх, то вниз. Я несколько раз сбивалась с пути, возвращалась, снова шла. В какой-то момент я перестала считать повороты. Я просто шла.

Когда я наконец узнала дверь — тяжёлая дубовая, с резной ручкой в виде цветка — у меня не осталось сил даже обрадоваться. Я толкнула дверь плечом, вошла.

Комната была нетронутой. Кровать с балдахином, резной стол, бархатные кресла. На туалетном столике — гребень, зеркало в серебряной оправе, пузырьки с духами. Всё как тогда, в первый вечер. Только сейчас на кровати не было шёлкового платья, а на столике — подноса с едой.

Ванная комната находилась за дверью справа. Я вошла, оперлась о край медной ванны и повернула кран. Вода полилась — холодная сначала, потом тёплая. В Цитадели, есть водопровод откуда? Наверное, какой-то артефакт. Вот значит на что тратилась драгоценная Сила. Для это от крылатого Бога отламывали куски каменной плоти открывая внутренности и жилы, обнажая скелет. Но сейчас мне было всё равно.

Я разделась. Сдирала лохмотья с тела осторожно, чтобы не потревожить раны. Ткань присохла к коже, пришлось отмачивать. Я стояла голая, дрожащая, и смотрела на своё отражение в тёмной воде. Бледная, худая, вся в ссадинах и порезах. Чужая.

Я залезла в ванну. Вода обожгла, но я не вылезла. Сидела, смотрела, как бурая вода смывает засохшую кровь.

Я жива. Я жива. Я не знаю как и зачем, но я жива.

Я вымылась кое-как, насколько позволяли силы. Вылезла, закуталась в большое льняное полотенце. Потом нашла в шкафу свежую смену белья — простую рубаху, какие носили служанки. Надела.

Раны всё ещё были открытыми. Я разорвала нижнюю юбку на длинные ленты — получилось не очень аккуратно, но другого выхода не было. Перевязала руки, ноги, шею. Что-то держалось, что-то сползало. На левом предплечье повязка пропиталась сукровицей почти сразу.

— Плевать, — сказала я вслух. Голос прозвучал глухо.

Я дошла до кровати, упала на неё и провалилась в беспамятство.

Проснулась я от ощущения чужого присутствия. В комнате кто-то был.

Я не слышала шагов — только дыхание. Чужое, но не угрожающее. И запах — хлеб, сыр, травы.

Я открыла глаза.

На скамейке у кровати сидел Залу.

Мальчик был чумазый, в дорожной одежде, на коленях — котомка, из которой торчал край буханки. Он смотрел на меня и не улыбался. Глаза у него были красные — то ли от ветра, то ли от того, что он плакал.

— Залу? — прошептала я.

— Ты жива, — сказал он. Голос дрожал, но держался он молодцом. — Я звал, но ты не просыпалась, но я знал, что ты жива. Я верил и ждал. Ты не просыпалась.

Я попыталась сесть, но он подскочил, подложил мне под спину подушку.

— Не вставай. Ты слабая. Я принёс поест. И бинты. И мазь. Делха Мара учила меня готовить мази. Вот пригодилось.

— Залу... сколько времени прошло?

Он замялся.

— Не знаю точно. Много дней. Я каждый день ходил к воротам Цитадели, но боялся заходить. Люди говорили, что там тени. Что все умерли. А я... я не верил.

— Как ты прошёл?

— Ворота были открыты. — Он посмотрел на меня виновато. — Я подождал, пока стемнело, и вошёл. Никого не встретил. Шёл по коридорам, боялся звать тебя. Прости. Не сразу нашёл. Заплутал.

— Ты один?

— Да. В городке многие разбежались. Кто куда. Говорят, император приказал закрыть все дороги к Цитадели. Но я спрятался, но если честно на меня и внимания особого не обратили. Кому я нужен?.

Он говорил быстро, будто боялся, что я исчезну. Я слушала и не перебивала.

— Залу, — сказала я, когда он замолчал. — Ты принёс бинты?

Он кивнул. Вытащил из котомки чистые полотняные ленты, глиняную банку с зеленоватой мазью.

— Дай я перевяжу тебя заново. У тебя всё криво.

Я не стала спорить. Он перевязывал аккуратно, сосредоточенно, как учила его старуха. Пальцы у него были холодные, но уверенные.

— Расскажи, что происходит снаружи, — попросила я. — Что говорят?

Залу пожал плечами, затягивая узел на моём запястье. Потом сел поудобнее, оперся спиной о спинку кровати, и начал — тихо, будто боялся, что стены услышат.

— Сначала, первые пару дней, всё было спокойно. Из Цитадели ходили в городок за товарами — мукой, мясом, овощами. Охранники, которых я видел у ворот, были на местах, пропускали телеги. Никто ничего не подозревал.

Я молчала, слушая.

— А потом, на третий день, подъехал отряд. — Залу понизил голос. — Императорская гвардия. С полсотни всадников, в чёрных плащах, с мечами и арбалетами. Никто не ждал их. Они прискакали из-за холмов, как ветер. В городке началась паника. Кто-то говорил, что приор замыслил бунт, кто-то — что в Цитадели случилось что-то страшное.

Он говорил быстро, будто спешил высказаться, пока не передумал.

— Гвардейцы встали лагерем у самого подножия. Разбили палатки, зажгли костры. Ворота Цитадели закрыли — и те, кто был внутри, не выходили, и тех, кто снаружи, не пускали. Так прошёл ещё день.

А потом, под вечер, — Залу сглотнул, —

Кто-то изнутри открыл им ворота. Я не знаю, кто. Может, из слуг, может, сам стражник. В сумерках. Ворота распахнулись, и часть отряда — человек двадцать, с факелами — ворвалась внутрь. Мы слышали крики. И лязг оружия. И... и ещё что-то. Не знаю, как назвать. Будто стены кричали.

Он замолчал, глядя в стену перед собой.

— Потом всё стихло. А через час оттуда повалил туман. Серый, густой, живой. Он поднимался над стенами, перетекал через ворота, но дальше двора не пошёл. Остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Внутри что-то копошилось, двигалось. Мы не видели, что именно — но слышали. Шорох, скрежет, будто кто-то скрёбся камнями о камни. Люди в городке запирали двери и ставни. Кто-то убежал сразу, не дожидаясь утра.

— А потом? — спросила я.

— А потом, на исходе ночи, туман рассеялся. Не ушёл — рассеялся. Стал прозрачнее, а потом вообще исчез. Как не бывало. И в тот же миг из Цитадели вылетел монстр.

— Раданфир, — прошептала я.

— Монстр. Я его почти не видел — мелькнула тень, крылья, будто две дыры в небе. И улетел на север. Кто-то из тех, кто ещё не разбежался, тоже видел. Говорят, он был чёрный, с огромными крыльями, и туман тянулся за ним шлейфом. Старики молились Единому, паника началась.

Залу помолчал, перевёл дыхание.

— Наутро почти никого не осталось в городке. Люди побросали дома, скотину, вещи. Кто на телегах, кто пешком — все двинулись в сторону ближайших деревень. Я остался, потому что... — он посмотрел на меня, и в его глазах блеснула боль, — потому что я знал, что ты там.

— А гвардейцы?

— Те, что уцелели, не пошли внутрь. Они перекрыли все дороги к Цитадели. Поставили блокпосты на трактах, на тропах. Никого не пускают и не выпускают. Император, говорят, приказал никого не подпускать к стенам.

— Но ты прошёл.

— Я пролез через лес. Ночью, там кусты, подлесок густой. Прополз, там где они не ждали. — Он усмехнулся. — Я маленький и юркий. Не заметили.

Я протянула руку, сжала его ладонь.

— Спасибо, что не испугался.

— Я испугался, — честно сказал он. — Но я верил, что ты жива.

— Ходят слухи, — продолжил он, — что будто бы видели, как из Цитадели вылетел крылатый монстр. С огромными черными крыльями. Говорят, поднялся он из самой темной обители падших, весь в чёрных лохмотьях, и это не одежда — кожа обгорелая. Крылья — не крылья, а два провала в пустоту, и когда ими машет — света не видать, тьма накрывает. Лица

у него нет, только два синих огня вместо глаз, да из-под рёбер светится багровым. А когда пролетал над деревней — птица и скотина домашняя передохли. Старики говорят: это древнее проклятье, которое Алдарах из подвалов темниц своих поднял. Древнее чудовище. Не приведи Единый с ним встретиться.

— Раданфир, — прохрипела я. — Это был Раданфир. Он теперь не совсем человек. Или совсем не человек.

— Ты знаешь, где он?

Я посмотрела в окно. За толстым стеклом — горы, туман, пустота.

— Нет.

— Шепчутся. Кто-то говорит, что в Цитадели провели тёмный ритуал. Кто-то — что приор сошёл с ума и готовил бунт против императора. Кто-то — что там теперь живут тени. Никто ничего не знает наверняка. Император молчит.

Залу закончил с повязками, отодвинулся, сел на стул.

— Залу, и еще. Я не хочу тебя пугать, но ты уже почти взрослый, - мальчик напрягся. — Там, в алтарном зале, мне кое-что показалось. Я не уверена, что это правда, что это мне не привиделось из-за потери крови и пережитого, но мне кажется, что Двери открылись. Алтарь потух и больше не светится. Я видела страшные картины. Разные существа начали приходить в ваш мир.

— Алма... — начал он и осекся.

— Алиса, — поправила я. — Меня зовут Алиса. Ты можешь называть меня так. Уже не перед кем таиться.

— Алиса, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Ты уверена, что это было по-настоящему?

— Нет, — честно ответила я. — Я сейчас уже ни в чем не уверена.

— И что теперь? — Залу посмотрел на меня. В его глазах не было паники — только настороженность, как у зверька, почуявшего опасность. — Мы должны что-то сделать?

— Мы ничего никому не должны, только боюсь, что нашего мнения уже никто не спросит. В начале нам надо остаться живыми. А там — разбираться.

Он кивнул, помолчал, потом спросил тише:

— А Раданфир? Он тоже...?

Я не сразу нашлась, что ответить.

— Не знаю, Залу. Может, он теперь часть этого. Может, он — это уже не он, а часть тьмы, что выпустил этот старый фанатик.

— Ты хочешь его спасти?

— Я хочу понять, что происходит. А потом — решать. Тем более я не уверена, что это возможно.

— Мы останемся здесь?

— Нет. Здесь нечего делать. Цитадель мертва.

— А куда мы пойдём?

— Тебе уже не обязательно идти со мной. Мне нечего тебе предложить. Да и просто находиться рядом со мной может быть опасно. Неизвестно сколько еще в этом мире безумцев возомнивших себя богами.

Я закрыла глаза. Вспомнила разговор с Фаридом. Эльбор. Там я может найду хотя бы временное пристанище. Все равно идти мне больше некуда.

— Я хочу идти в Эльбор, — сказала я. — Там мы сможем передохнуть и обдумать что делать дальше.

— Я пойду с тобой, — сказал Залу. Не спросил — сказал.

— Зачем?.

— Ты сестра мне. Не «как», а просто сестра и я тебя одну не оставлю.

Я протянула руку, сжала его ладонь. Мальчик не отдернул.

— Хорошо, - не стала я драматизировать момент, - но сначала мы должны обыскать Цитадель, — сказала я. — Здесь есть записи. Дневники или книги. Там может быть то, что поможет нам понять, что делать дальше.

— А если там опасно?

— Здесь уже не опасно. Все, кто был опасен, исчезли.

Я не добавила: «или умерли». Залу и так понял.

— Как долго? — спросил он.

— На пятину. Может, две. Пока я не встану на ноги. Пока не узнаем всё, что возможно.

Он кивнул.

Я откинулась на подушки и закрыла глаза. Залу сидел рядом, молчал. В комнате было тихо. Только ветер за окном выл, да где-то далеко скрипела несмазанная петля.

Куда мог улететь Раданфир? У него нет никого в этом мире и ничего чтобы было ему дорого. Раньше у него был хозяин и он был преданным псом. А кто он теперь, обретя волю и силу? Помнит ли он нас? Меня? Не ушел ли он в тени?

— Залу, — сказала я, не открывая глаз. — Ты боишься его?

— Кого?

— Раданфира.

Мальчик помолчал. Потом ответил тихо:

— Я не видел, как он улетал. Но люди видели. Чёрный, с крыльями. Страшный. Он зло, но может быть ему сейчас тоже больно? — сказал он тише. — Чудовищам наверно тоже может быть больно.

— Может быть, — сказала я. — Может быть.

И мы замолчали. Я слушала, как ветер бьётся в окно, и думала о том, что в этом мире у меня нет дома. И что, возможно, его никогда и не будет.

Только этот мальчик рядом. Только неизвестность впереди.

И Раданфир, который выбрал тьму или тьма выбрала его.

— Завтра начнём, — сказала я.

— Завтра, — согласился он.

И мы уснули — каждый на своей стороне кровати, как два зверька, забившиеся в одну нору перед долгой зимой.

Глава вторая. Тайны

Мы прожили в Цитадели почти четыре пятины. Может, дольник. Я сбилась со счёта на девятый день, когда утро перестало отличаться от вечера, а дни слились в один бесконечный повторяющийся день. Мы словно попали в ленту Мебиуса. За окнами всё время был серый, безнадежный свет, будто мир застыл в ожидании чего-то.

Никто не приходил в Цитадель, даже попыток не делал. Мы вдруг оказались совсем одни, без погони и чувства преследования. Нам по сути никуда не надо было, мы никуда не спешили и нас нигде не ждали. С утра мы завтракали в основном хлебом, сыром и отварами из трав, что Залу нашел в кладовых.

Залу оказался хорошим сиделкой. Он приносил воду, менял мне повязки, грел на кухне остатки еды — в кладовых Цитадели нашлись мешки с крупой, вяленое мясо, сушёные ягоды. Еды было много, и она не портилась — наверное, из-за артефактов, которые всё ещё работали в стенах крепости.

Я восстанавливалась медленно, но верно. Раны не заживали — они просто перестали кровоточить, затянулись тонкой розовой плёнкой, которая трескалась при каждом резком движении. Я чувствовала себя стеклянной: шаг — и рассыплюсь.

— Тебе нужно есть больше мяса, — сказал Залу на третий день, подавая миску с жирным бульоном. — Делха Мара говорила, что для крови нужно железо.

— А ещё она говорила, о мудрецах живущих в Цитадели и направила меня прямо в ловушку, а тебя отправила со мной, только чтобы я дошла живой, а что стало бы с тобой-наплевать. И вот мы здесь, — усмехнулась я и обвела широким жестом комнату. — я чуть не умерла на алтаре, а ты застрял здесь, среди обломков и пыли. Она продала нас за золото.

Залу нахмурился.

— Она не врала про всё. Про еду — точно не врала.

Я не стала спорить. Ела. Потом спала. Потом мы брели в библиотеку.

Библиотека Приора была огромной — два этажа, высокие стеллажи, лестницы-стремянки, пыльные свитки в кожаных тубусах. Часть книг была написана на языке, который я понимала благодаря ритуалу старухи Мары, часть — на древних наречиях, которые никто из нас не мог разобрать.

Мы работали целый день прерываясь на короткий прием пищи: я садилась за стол, брала первую попавшуюся книгу, читала оглавление, откладывала в одну стопку (полезное), в другую (бесполезное), в третью (непонятное). Залу помогал — приносил свитки, переводил на обыденный сложные места, искал на полках то, что я просила.

Мы прочли множество легенд этого мира. Почти все они были про Алк'айров. Разнообразием эпос этого мира не отличался. Вначале мы читали все подряд. Но быстро поняли, что так мы тут про сидим много оборотов.

- Алиса, смотри, что я нашел! — звонкий мальчишеский голос хрустальным звоном отразился от древних стен библиотеки. — Легенда. Список со свитка древнего храма Алк'айр-Нур, перевод с эпохи Первого Крыла.

- Читай. Может там будет что-то полезное.

Мальчик прокашлялся и торжественно начал.

В начале времён, когда Единый сотворил миры и ушёл в вечность, Алк'айры остались одни. Они охраняли Двери, смотрели за порядком и не знали ни сна, ни усталости. Но было у них одно горе — одиночество.

Каждый Алк'айр стоял на своём посту. Они видели друг друга издалека, но не могли подойти ближе — долг не позволял. И в их бессмертных сердцах поселилась тоска по тому, чего у них никогда не было: по верному спутнику, который разделил бы с ними века.

Первый среди них, Алк'арон, тот, кого позже назовут Первым Крылом, не выдержал одиночества. Он спустился с вершины мира в долину, где земля дышала жаром, где из трещин били огненные фонтаны, а из недр поднимался пар, способный расплавить камень. Там, у вечного костра, который горел ещё до рождения людей, Алк'арон задумал создать существо, подобное ему, но не равное — существо, которое станет его тенью, его другом, его вторым сердцем.

Он взял шерсть самого верного пса — того, что сторожил стада в долинах и никогда не оставлял хозяина даже перед лицом смерти. Он взял перья самой быстрой птицы — той, что летала выше облаков и видела то, что скрыто от глаз смертных. И он взял горсть семян — пшеницы, ячменя, диких трав — чтобы в новом существе была жизнь, способная к возрождению.

- Это же та легенда которую мы читали свитки Вальдемара? Про рух'аров.

- Похоже на то, только тут подробнее и есть одна особенность. Слушай дальше...

Алк'арон бросил всё это в вечный огонь. Пламя взвилось, загудело, и из него вылетело существо — с телом пса, покрытым перьями, с крыльями, как у орла, с головой собачьей, но увенчанной золотым гребнем и клювом хищной птицы. Из-под его крыльев сыпались искры, и там, где они падали, тут же прорастали зелёные ростки.

— Я назову тебя Рух'ар, — сказал Алк'арон. — Что на древнем языке значит «огненный дух, сеющий жизнь».

Пепел Рух'аров был священным. Его собирали в золотые урны и хранили у подножия алтарей. Говорят, если рассыпать этот пепел по полю, урожай вырастает втрое. Если добавить в воду при первом купании — ребёнок вырастает здоровым и счастливым. Если положить под подушку умирающему — тот уходит без боли, и его последний вздох становится тихим, как шелест крыльев.

Но когда Алк'айры начали падать — поддаваться гордыне, жестокости, тьме, — их Рух'ары чувствовали это раньше всех. Они начинали беспокоиться, метаться, выть по ночам. Иногда они пытались удержать хозяев от падения — бросались на помощь тем, кого Алк'айр собирался убить, заслоняли собой слабых, кусали крылатых за ноги, не пуская их туда, куда не следовало идти. Но Алк'айры не слушали. Они отбрасывали своих спутников, запирали их в темницах, а некоторых — убивали. Потом рух'ары, чьи хозяева полностью были поглощены тьмой обратились сами. Они потеряли свои крылья, потеряли дар жизни, шерсть их стала тьмой, клюв превратился в страшные зубы, но помня тот дар который они потеряли сами стали ненавидеть жизнь, они жаждали плоти и крови, стали убивать. Так появились туманные псы — шайни чоно.

- Залу, но Фарид мне рассказывал, что в шайни чоно нет силы Единого, сказал, что они, как и многие другие, как и люди, пришли из-за Двери, но, приспособиваясь к этому миру, стали такими — устрашающими. Шайни чоно впитали природную магию вашего мира.

- Тогда, думаю стоит взять с собой этот свиток. Возможно он заинтересует кого-нибудь из Эльбора.

Окончание легенды нам известно: когда последний Алк'айр исчез, превратившись в камень, Рух'ары покинули этот мир. Они ушли туда, где вечный огонь ещё помнит древнюю Силу — туда, куда не ступала нога смертного, туда, где время течёт вспять, а тени не знают покоя. Там они спят, свернувшись у невидимых костров, и ждут.

Ждут, когда снова появится тот, кто бросит в пламя шерсть пса, перья птицы и семена.

Говорят, когда такой появится — Рух'ары проснутся. И вернутся. И тогда мир изменится навсегда.

Также в первый день мы нашли записи об опытах над шайни чоно. Приор описывал, как ловил этих тварей в горах, как пытался их подчинить, изменить, заставить слушаться. Страницы были исписаны мелким, ровным бисерным почерком, с пометками на полях: «Не поддаётся», «Сопrotивляется», «Сдох на третий день». На одной из страниц был рисунок — схема ритуального круга, трубки, колбы, пропорции разных веществ.

И везде упоминалось о порошке их камней алтаря, он использовался во всех экспериментах. Когда он перемешивался с кровью танов он превращался в черную масляную жижу, которая имела магические свойства. Смешение пыли и крови обычных людей ни к чему не приводила. Я устала ужасаться от прочитанного. Я будто бы читала записки доктора Менгеле. Не могу даже представить сколько несчастных людей (танов и обычных делхов) прошли через пытки его экспериментов. Не выживал никто — они были просто реактивами, экспериментальными пособиями. Не людьми. Приор был одержим идеей стать богом. И первым его экспериментом стали шайни чоно.

— Он пытался управлять ими, — сказал Залу, безразлично отодвигая свиток. — Как Раданфиром.

— Да, — кивнула я. — Только шайни чоно в большинстве своем не выживали. А Раданфир выжил. Если верить в ту легенду что мы нашли и Раданфир и шайни чоно по своей сути потомки крылатых, может именно этот факт надоумил этого психа на эксперименты. У нас в мире такие же фанатики пересадили сердце свиньи человеку.

— И что с ним стало? — ужаснулся Залу.

— Он не выжил.

На пятый день я нашла дневник Раданфира. Нет, не дневник — записи Приора о нём. Толстая тетрадь в кожаном переплётe, на обложке — имя, выведенное каллиграфическим почерком: Пес.

Я открыла первую страницу. Дата — много оборотов назад, когда Раданфир был ещё ребёнком.

«Мальчик из приюта. Сирота. Возраст — примерно семь оборотов. Проявил необычные способности: дважды выжил при смертельной опасности. Подозреваю связь с Алк'айрами. Возможно отец — тан. Первый случай за многие годы. Проверил кровь — положительная реакция на тёмную эссенцию. Возможно потомок падших. Будет полезен».

Я листала дальше. Страница за страницей — отчёт о ритуалах, о тренировках, о наказаниях, об опытах и ... пытках. Приор писал сухо, без эмоций, как учёный, описывающий эксперимент на крысах.

«Начальный этап подчинения. Мальчик сопротивляется, но слабо. Его воля сломлена после третьей процедуры. Он больше не плачет».

«Десятый ритуал. Возможно есть связь с тенями. Приказы исполняет без колебаний. Хороший материал». Надо увеличить дозу и провести проверку регенерации.

«Четырнадцатый ритуал. На сечение плетью, разрезы рук, ног и паха продемонстрировал чувствительность к боли, но быстро восстановился. При повторных манипуляциях регенерация прошла быстрее.»

«Двадцатый ритуал. Ввёл сыворотку на основе крови шайни чоно. Побочные эффекты: судороги, потеря сознания, временная амнезия.

Примечание: Хочу скрестить с женской особью в целях проверки потомства на новые полезные качества. Потенциальные самки не выдержали ввода сыворотки. Из десяти особей только одна показала потенциал к деторождению после проведения ритуалов и процедур. Самка сдохла непосредственно перед планируемым процессом спаривания. У пса случился акт агрессии. Успокоили. Регенерация отличная. Поиски следует продолжить.»

Я закрыла тетрадь. Руки дрожали. Десять. Их было десять. Десять несчастных девушек которых мучали, пытали и в итоге умертвили. Он относился к ним, как к животным. А скольких он еще замучал? Как? Куда смотрела местная власть? Где был император?

— Алиса? — Залу смотрел на меня встревоженно. — Ты бледная.

— Всё в порядке, — сказала я, хотя в порядке я не была даже близко. — Просто... я начинаю понимать, как он стал таким.

То что мы нашли было каплей в море. Но большинство свитков были бесполезны.

К концу подходил очередной день. Я устало отклонилась на спинку стула, рассеянным взглядом окинула темные пыльные полки.

Архитектура... В средневековых библиотеках часто делали тайники в симметричных точках. Центр зала — алтарь. От него отсчитаем...

Я поднялась и подошла к восточной стене, считая шаги.

Десять шагов на север, два на запад. Здесь должен быть... вот.

Она нажимает на невзрачную панель — та открывается. Внутри — стопка бумаг.

Это не дневники. Это... переписка с кем-то из столицы.

«Г. доставлен на рудники Эттель. Содержать до востребования».

Я подняла глаза на Залу. Кроме Раданфира были еще пленники.

Мы продолжали читать. К концу второй недели я знала о Раданфире больше, чем кто бы то ни было. Знала, сколько ему было лет, когда его впервые ударили (десять). Знала, как часто его запирали в подземелье без воды и еды (каждую пятину). Знала о детстве, о приюте, о том единственном друге, которого звали Гурд.

Имя Гурд всплыло в записи на полях, почти случайно: «...после инцидента с разбойниками, когда мальчик убил человека камнем, защищая другого сироту по имени Гурд. Проявил жестокость и отсутствие страха. Ценный экземпляр».

— Он защищал друга, — сказала я вслух. — И его за это забрали.

— Кого? — не понял Залу.

— Раданфира. Он убил разбойника, чтобы спасти другого мальчика. И Приор узнал о нём. Забрал из приюта. Сделал... все это с ним.

Залу помолчал. Потом спросил:

— А что стало с тем мальчиком? С Гурдом?

— Не знаю. Приор не пишет. Может, умер. Может, сбежал. А может, его тоже забрали.

Мы замолчали. В библиотеке было тихо, только пыль медленно кружилась в луче света из высокого окна.

Как после всего этого он вообще смог остаться человеком?

На десятый день я нашла записи о Дверях.

Они были спрятаны в тайнике — за фальшивой панелью стеллажа, который открывался, если нажать на определённый корешок книги. Залу заметил, что одна книга стоит неровно, дёрнул — и панель со щелчком отошла в сторону.

Внутри лежала стопка пергаментов, перевязанных чёрной лентой. Я развязала, разложила на столе.

«Двери. Общие сведения», — прочитал Залу вслух. — «Каждая Дверь ведёт в один мир. Открыть Дверь может только Алк'айр — либо тот, кто обладает его кровью — прямой потомок. Когда Алк'айры стали населять мир Дельхейм живыми существами, несколько Алк'айров ушли за Двери, устав жить в этом мире, оставив мир Делхейма навсегда. Их судьба неизвестна».

Я перечитывала эти строки снова и снова.

— Если открыть Дверь может только Алк'айр, — медленно сказала я, — то как я попала сюда?

Залу пожал плечами.

— Может, ты потомок Алк'айра. Который ушёл в твой мир.

— Но в моём мире нет Силы.

— Может, он жил как человек. Но кровь-то никуда не делась, хоть и смешалась с человеческой. А когда Сила из Делхейма стала уходить, Дверь потянулась к той крови, пытаясь притянуть сюда. Наш мир потянулся к тебе, а до тебя еще к другим, пришедшим раньше.

Я смотрела на пергамент, и в голове складывалась картинка. Если я — потомок Алк'айра, пусть очень далёкий, это объясняет, почему меня притянуло сюда. Почему я выжила после ритуала. Почему моя кровь была нужна приору.

Но почему тогда я не смогла вернуться назад когда подошла к Двери после первого нападения шайни чоно? Может быть этот мир просто притягивает свою Силу их других миров чтобы продлить свое существование. Тогда вполне возможно, что этот мир меня уже никуда не отпустит.

— Залу, — сказала я, откладывая пергамент. — Кажется я здесь навсегда.

Он посмотрел на меня. В его глазах не было удивления — только грусть.

— Я рад. Прости меня! Я знаю, что это очень эгоистично. Но я рад что ты останешься со мной. И мне жаль. Жаль что ты возможно больше не сможешь увидеть свой дом.

— Спасибо, за честность и за то, что не бросил.

— Не за что, — буркнул он, но не отнял руку.

В последующие дни мы продолжали читать. Узнали, что Приор пытался найти способ открыть Дверь без Алк'айра — и не нашёл. Узнали, что он боялся, что Сила уйдёт окончательно, и тогда миры начнут сталкиваться, поглощать друг друга. Узнали, что Раданфир был для него не целью, а средством — сосудом, который должен был накопить тьму, чтобы потом использовать как оружие. Натравливать его как пса на своих врагов... А еще Раданфир был экспериментом по созданию «сыворотки Бога». Я так ее назвала. Он пытался сделать вещество которое пробудит в нем кровь Алк'айров и сделает из него крылатого бога. Но видимо где-то просчитался. Раданфир обрел крылья, только вот богом не стал, уж скорее демоном.

Да Приор ошибся. Тьма оказалась сильнее.

Но сколько бы мы не искали, не смогли найти информацию о том, что произойдет если алтари перестанут светиться. Что будет если Сила уйдет. Только легенды и смутные страшилки.

К концу третьей недели я достаточно окрепла, чтобы ходить без палки. Раны затянулись, оставив после себя тонкие, бледные шрамы — как напоминание о том, что я пережила. Медальон делхи Мары я выбросила. Я чувствовала, что сумасшествие мне более не грозит. Теперь я часть этого мира без всяких медальонов и артефактов.

— Залу, — сказала я однажды утром. — Мы уходим.

— Куда?

— Не знаю. Может в Эльбор? Здесь нам больше нечего делать. Более того долго здесь оставаться может быть опасным. Рано или поздно затишье закончится и у людей возникнут вопросы что мы здесь делаем. А в Эльборе... там живёт человек, который может помочь.

— Кто?

— Сестра Фарида. Он сказал, что я могу к ней обратиться за помощью. Кажется этот момент настал.

Залу кивнул. Собрали котомки — остатки еды, бинты, мази, несколько свитков, которые мы не успели прочитать, теплые одеяла и бурдюки с водой, комплект сенной одежды, все что смогли найти.

Платья и юбки я давно забросила. Нашла в комнатах пару штанов, видимо у кого-то из работников гостил сын-подросток. Они мне подошли. Там же нашла рубахи и вязанный жилет. Плащи у нас были.

В последний день нашего пребывания. Я стояла в своей комнате и смотрела в небольшое мутное зеркало. Залу сидел у камина и складывал вещи.

- Залу, - сказала я не оборачиваясь. - может тебе не нужна сестра?

Мальчик напрягся и посмотрел на меня вопросительно.

- Что ты имеешь в виду? Я же все тебе уже сказал. Я с тобой.

- Я не об этом. Возможно тебе не нужна сестра, возможно тебе нужен брат?

- Ты этого не сделаешь... - догадался мальчишка.

- А я думаю, что это хорошая идея. Если нас будут искать, то будут искать женщину и мальчика, а не двух братьев. Я невысокая, формами через чур не наделена. Одежду я себе нашла. Грудь перевяжу. Дело осталось за малым.

Я взяла со стола кинжал, который мы нашли в оружейной. Он один там был такой. Небольшой под мою руку и руку мальчика, острый, с удобной ручкой. Остальное оружие оказалось очень тяжелым и неудобным. Из лука я стрелять не умею.

Помедлив пару мгновений отрезала первую золотистую прядь. Сзади охнул Залу, но я не отвлекалась. Пряди падали одна за другой и вскоре на меня из мутного зеркала смотрел паренек лет шестнадцати по местным меркам. Безусость и отсутствие кадыка могли помешать, но что-нибудь и тут можно придумать.

Я обернулась. Залу сидел и не шевелился. Смотрел во все глаза и кажется даже не дышал.

- Как же так, Алиса? У тебя были такие красивые волосы.

- Волосы не зубы - отрастут. – Надо сходить на разведку. Мы несколько пятин сидим в этом каменном мешке, надо аккуратно осмотреться, что бы не попасть в капкан. Сейчас ни в чем нельзя быть уверенными. Приора нет, но как обстоят дела мы не знаем.

Глава третья. Новости

Да поразмышляв, мы с Залу поняли, что прежде чем покинуть Цитадель, нужно понять, что творится снаружи. Кто пришёл на смену Приору? Ищут ли их? Есть ли безопасный путь на восток?

— Я схожу посмотрю, — сказал Залу на следующее утро. — К главным воротам. Там, наверное, есть стража. Послушаю, о чём говорят.

— Один не ходи, — резко ответила Алиса. — Идём вместе.

Они прокрались к восточным воротам городка откуда открывался вид на внешний двор. Раньше здесь стояли дозорные, теперь — никого. Но внизу, у самых ворот, виднелись свежие следы: копыта лошадей, колёса телег, окурки от факелов.

— Кто-то был, — прошептал Залу.

— И, возможно, ещё вернётся.

Они передвигаясь густыми кустами, примыкающими к стене городка, подошли к деревянной сторожке, больше похожей на барак где раньше размещалась стража, впускающая в город путников. Она была небольшая но человек десять могло разместиться. В одном из окон горел свет. Алиса прижалась к стене, заглянула в щель.

Трое солдат. Не в форме Цитадели — в чёрных плащах с императорскими гербами. Они сидели вокруг костра, жарили мясо и переговаривались негромко. Бутыль с вином переходила из рук в руки.

— Уже которую пятину здесь сидим. Чего сидим, кого ждём не понятно ...сказывают, император взбешён, — говорил один, молодой, с нашивкой десятника. — Приор мёртв, алтарь погас, а эта баба с парнем сгнула. Десять золотых за голову — не шутка. Вот скажи на кой императору какая-то там девка? У него при дворе тан что ли мало?

— Не твоего ума дело. Значит нужна кому, та баба. Можа она шпионка или принцесса сбежавшая. Знаю так бывает. Или любовница какого чиновника, уверовала чего щенок и смылась — отмахнулся второй, пожилой, с окладистой бородой. — Мне вот друго интересно. Я от Ирма Хромого из северного поста слышал, что чудище объявилось. Чёрное, крылатое. Скот режет, спасу нет, целые стада вырезает, кровь реками льется.

— Монстр, — усмехнулся третий, самый молодой. — А ты в монстров веришь?

— А в Единого веришь? — рявкнул пожилой. — Я, брат, такие вещи видал, что тебе и не снилось. Наши поговаривали, что приор эксперименты ставил над людьми. Кто в Цитадели бывал иногда по ночам крики слышали. А теперь вот говорят алтарь потух, и тени по всему северу выползают. Говорят, Двери открылись.

— Брехня. Ты сам алтарь-то тот видел? — не сдавался молодой.

— Алтарь не видел, но сам знаешь. А деревня Буряя Гать? А Колейки? Тоже брехня? Там людей не осталось. Туман пришёл — и всё.

— Да кто там твой туман видел?

Пожилый стражник выругался, сплюнул в костёр.

— Император молчит. Говорит, бунтовщики шалят. А народ шепчется, что власть он свою удержать не может. Что Сила из мира уходит, а с ней и империя рухнет.

— Тише ты! — десятник оглянулся. — За такие речи язык отрежут.

— А чего молчать-то? Правда глаза колет. Вот бы вернулись Алк'айры, что раньше мир хранили. Они б порядок навели, Двери запечатали. А то что теперь? Крылатый монстр на севере, туман на востоке, император ищет какую-то бабу... Куда катится мир?

— Тебе какое дело до всего? Тебе жалование платят? Платят. Анка твоя тепленькая к тебе под бок прибегает? Прибегает. Ты вот тут сидишь вино попиваешь, а не на севере дикарей

разгоняешь, — подвёл итог бородач, поднимая бутылку. — Вот и не гуди. А конец времен не наступит. При наших делах не наступил и при прадедах тоже и при нас не быть ему. Пей давай. Я в трактире местном подавальщицу видел ... м-м-м. Беленькая пухленькая, словно булочка. Как её еще родичи отсюда не забрали. Пойду я можа согрееет меня сегодня, - и заржал.

Бородач поднялся и вышел из сторожки.

Алиса отступила от стены, схватила Залу за руку и утащила его в темноту. Они бежали, пока не оказались в Цитадели, где никто не мог их услышать.

— Ты слышал? — прошептала она, тяжело дыша.

— Слышал, — Залу был бледен. — Император ищет нас. Десять золотых.

— Ищет, — кивнула Алиса. — И это не единственная новость. Ты слышал про чёрного монстра на севере?

— Крылатый, — Залу поёжился. — Как... как Раданфир? Это может быть он?

— Не знаю, — медленно ответила Алиса. — Может, он. А может, кто-то другой. Приор говорил, что тени проснулись. Может, это они.

— Но людей он не трогает, — заметил Залу. — Только скот.

— Пока не трогает.

Она замолчала, глядя в темноту коридора. В голове крутились обрывки разговора. «Крылатый монстр...». Что, если это Раданфир? Что, если он выжил после ритуала, но превратился в... в кого? В чудовище? Или всё ещё остался человеком?

Она не знала. И понимала, что не узнает, пока не увидит своими глазами. Но искать его — безумие. Куда? Зачем? Что она ему скажет? «Ты спас меня, а теперь стал монстром — я пришла тебя спасти»? Смешно.

— Нам нужно в Эльбор, — сказала она, отгоняя мысли. — Дальше на восток. Помнишь Фарид говорил, что князь собирает различные знания. Может, там я найду ответы, может все же есть шанс вернуться домой.

— Домой? — переспросил Залу. — Ты всё ещё хочешь...

— Хочу, — перебила она. — Это единственное, что меня держит. Я не отсюда. Я не должна здесь быть. Если есть способ закрыть Двери или открыть их обратно — я должна его найти.

— А Раданфир? — тихо спросил мальчик. — Если это он — тот монстр?

Алиса помолчала. Потом ответила, глядя куда-то в сторону:

— Не знаю. Может, он уже не человек. Может, он опасен.

— Ты не хочешь ему помочь?

— А я смогу? Что я могу? Я просто человек, обычный. Я лишь хочу понять, что происходит. И выжить. А для этого нужно убраться подальше от императора и его прислужников.

Залу кивнул. Подошёл, взял её за руку.

— Тогда идём. В Эльбор.

Они закончили сборы за час. Алиса надела штаны и рубаху, перетянула грудь туго, чтобы никто не догадался. Залу упаковал котомку. На прощание они вышли на балкон, откуда открывался вид на горы. Внизу, в долине, уже зажигались огни — что бы не происходило в мире, люди продолжали жить, есть пить, любить и ненавидеть.

— Вот бы они правда вернулись, — тихо сказал Залу, глядя на закат. — Алк'айры.

— Кто знает, — ответила Алиса. — Может, этот мир не устает меня удивлять. Здесь все не то чем кажется. И я совсем не уверена, что вернувшиеся крылатые боги будут милосердны к простым людям, после сотен и сотен оборотов забвения. Этот мир уже вернул одного крылатого и что он ему принесет, это большой вопрос.

Она вспомнила о чёрных крыльях, о синих глазах, которые видели её сквозь боль и тьму. Монстр он или нет — она не знала. Но надеялась, что где-то там, на севере, он всё ещё помнит, кем был.

Она повернулась и пошла к выходу. Залу — за ней, не оглядываясь. Цитадель оставалась позади — тёмная, мрачная, полная тайн, которые они так и не разгадали.

А впереди, где уже сгущались сумерки, их ждал Эльбор. И ответы, которых у них не было.

— Не оборачивайся, — сказал Залу, когда я замедлила шаг. — Плохая примета.

— Откуда ты знаешь?

— Делха Мара говорила.

Я не обернулась. Мы пошли на юг, к долине, где, как говорил Фарид, лежал Эльбор. Маленькое княжество, где, может быть, меня ждали. Или не ждали. Но другого пути у меня не было.

Я шла и думала о том, что Раданфир где-то там. Один.

Глава четвертая. Черный монстр

Он очнулся в снегу.

Тело ломило, крылья были сложены за спиной — тяжёлые, чужие, будто пришитые к лопаткам грубыми нитками. Он не помнил, как оказался здесь. Не помнил, кто он. Не понимал, что ему делать. Память была пуста, как небо над головой.

Вокруг — горы, белые пики, ледяной ветер. Внизу, далеко в долине, горели огни деревни.

Он поднялся. Снег хрустел под босыми ногами. Он не чувствовал холода. Он вообще почти ничего не чувствовал — только голод. Тёмный, тягучий, он поднимался изнутри, требуя насыщения.

Кто я? — подумал он. Ответа не было.

Над ним возвышались темной давящей громадой развалины Черной Цитадели.

Не помня себя, не осознавая, что он делает, повинаясь лишь древним инстинктам выживания, он вошёл в главный вход.

Огромные обитые железом ворота чудом висели на одной огромной петле. Вторая давно отвалилась, и створка валялась на полу — пришлось перешагивать через неё, переступить через ржавые полосы металла, которые когда-то держали засов. Потрескавшийся камень величественных прежде ступеней хрустел при каждом шаге, будто кто-то рассыпал под ногами высохшие кости. Вековая пыль поднималась облаками, оседая на одежде, лице, крыльях.

Он поднялся. Медленно, тяжело. Крылья волочились за ним по земле, оставляя зарубки на камне.

Коридор был тёмным и высоким. Сводчатый потолок терялся где-то далеко, в темноте, которую не могли разогнать его звериные глаза. Стены, сложенные из чёрного камня с красными прожилками, хранили следы пожара — копоть, обгоревшие балки, лужи застывшего стекла. Он шёл не разбирая дороги, и ноги сами несли его вперёд.

Здесь когда-то жили люди. Но его не волновала не история этого места, ни люди жившие здесь раньше. Его ничего не волновало.

Он миновал анфиладу комнат — разрушенные спальни с провалившимися кроватями, трапезную с опрокинутыми столами, библиотеку, где свитки истлели в пыль, а свинцовые переплётки книг оплыли от жара. В ней он задержался на миг — поднял голову, принял запах плесени и древности. Ничего живого.

Ноги принесли его в большой зал. Когда-то он был главным — высокие стрельчатые окна, витражи, сейчас выбитые, арочный потолок, лепнина, обвалившаяся на пол. В дальнем конце, был сложен камин. Огромный, из чёрного камня, с резными фигурами крылатых существ по бокам. Камин оставался ледяным, как и все вокруг. Безжизненным. Мертвым.

Вокруг камина, на полу, валялись шкуры. Медвежьи, волчьи, чьи-то ещё — огромные, лохматые, пропахшие пылью и временем но ещё мягкие на ощупь. Он разгрёб их ногой, сгрёб в кучу, рухнул сверху. Крылья обвисли, накрыли его, как покрывало. И он провалился в забытьё — не сон, не явь, а серое, тягучее ничто, где нет ни боли, ни голода, ни тьмы.

Только шкуры, пахнущие звериным теплом, и где-то далеко — воющая в трубе метель.

Он не знал, сколько проспал. День, два, пятину. Он не ел, не пил, не вставал. Только лежал, вжавшись в шкуры, и смотрел на замерзший камин. Он то просыпался, то засыпал вновь.

И в одном из таких пробуждений, когда ветер выл особенно отчаянно, а тени замерли в ожидании, он увидел её.

Стояла у входа в зал. Бледная, растрёпанная, с красными от слёз глазами. Моргнула — и исчезла. Только тени в углу шевельнулись, будто пряча следы.

— Алийса, — прошептал он в пустоту.

Тьма ответила тишиной.

Он закрыл глаза и провалился снова — в чёрную, бездонную, сладкую пустоту.

Он не знал, сколько пролежал в руинах Чёрной цитадели. Время утратило смысл. Сутки, пятны, дольки — всё смешалось в один бесконечный серый поток, где рассветы не отличались от закатов, а закаты — от кромешной тьмы.

Он просыпался. Бредил. Терял сознание. Снова просыпался.

Иногда ему казалось, что стены вокруг движутся — дышат, шевелятся, покрываются рябью. Или это тени копошились в углах, живые, голодные, но почему-то не трогали его. Лежали рядом, обвивали его тело, как змеи, но не сжимали. Ждали. Или охраняли.

Он не знал.

Он вообще ничего не знал в те дни — ни кто он, ни где, ни зачем. Только холод, только запах сырого камня и собственной крови, которая давно засохла коркой на груди и руках. Каждое движение отдавалось болью — но не острой, нет, тупой, разлитой, как после многих дней лежания на твёрдом.

Он поднялся однажды. Не потому, что очнулся или почувствовал себя лучше. Просто тело само выпрямилось, разогнуло спину, расправило плечи. Кости хрустнули. Крылья дёрнулись, ударили по воздуху — и подняли тучу пыли с каменных плит.

Он стоял на ногах. Сам. Без чужой воли, без приказа, без кнута над головой.

И понял, что голоден.

Звериный, первобытный голод, который не знал слов «хлеб» или «мясо». Он хотел крови. Тёплой, живой, чтобы впитать её в себя и почувствовать, как сила разливается по венам, заживляя разорванные ткани, возвращая плоти упругость. Хотел душу живого существа — его суть. Погладить, уничтожить, сделать частью себя, частью своей Силы. Поглотить полностью и быть может это заглушит пустоту, что образовалась в самом центре груди?

Он вышел из цитадели через пролом в стене. Внизу, в долине, горели огни деревни — маленькие, дрожащие точки в вечерней мгле.

Люди. Еда.

Он пошёл вниз, к огням.

Он не помнил, как оказался на окраине. Тело двигалось само, повинувшись голоду, который сворачивал внутренности в тугой узел.

Мужчина шёл из бани. Распаренный, сонный, в одной рубахе до колен, он ступал нетвёрдо, насвистывая какой-то мотив. Увидел чёрную фигуру, замер. Глаза расширились, рот открылся.

Раданфир ударил первым. Не думая. Не выбирая. Когти вонзились в правое плечо, разорвали мышцы до кости, прошли насквозь. Кровь хлынула тёплой, почти горячей струёй, забрызгала лицо, грудь, крылья.

Мужчина закричал. Не от боли — от ужаса. Но крик быстро перешёл в хрип, когда вторая рука — его, человеческая, беспомощная — попыталась оттолкнуть чудовище. Раданфир перехватил её, сжал. Кости хрустнули, как сухие ветки. Ещё одно движение — и рука повисла плетью, вывернутая в локте под нее тественным углом.

Он хотел убить. Тьма внутри требовала этого. Кричала, рвалась из груди, приказывала добить, перегрызть горло, почувствовать, как жизнь уходит из тела, почувствовать приятное тепло свежей крови, ослепляющее чувство чужой смерти.

Но что-то остановило его.

Мужчина упал на колени. Смотрел снизу вверх — не на чудовище, на смерть. И в его глазах была уже не боль, а мольба. Такая чистая, такая отчаянная, что рука, занесённая для последнего удара, замерла.

Раданфир смотрел на эту мольбу и не понимал. Почему он медлит? Почему тело не слушается приказа?

«Не тронь», — сказал кто-то внутри. Голос был тихим и слабым, но упорным.

Он опустил руку. Развернулся. Ушёл в лес, не оглядываясь.

За спиной всхлипывал человек, зажимая рану. Где-то вдалеке лаяла собака.

Тьма внутри завывала от неудовлетворения.

Он не пошёл дальше в ту ночь. Он метался по лесу, крушил деревья, выдирая с корнем кусты. Тьма требовала выхода, а он не давал ей. Он вспоминал глаза того мужчины. И не мог.

На рассвете он оказался у другой деревни. Не знал, зачем пришёл. Ноги принесли сами, повинувшись инстинкту, который не мог заглушить.

Дом стоял на отшибе. Покосившийся, с закрытыми ставнями, но из трубы шёл дым — там жили люди. Он вошёл. Дверь поддалась от одного удара.

Внутри спали: отец, мать, трое детей. Самому младшему было на вид лет пять. Девочка. Она лежала с краю, свесив руку с кровати, и что-то бормотала во сне.

Раданфир занёс коготь. И замер.

Тело дрожало. Тьма требовала крови — детской, чистой, самой желанной. Но вторая рука — та, что была ещё человеческой — схватила первую за запястье. Сильно. До хруста.

Он боролся сам с собой. На глазах выступили чёрные слёзы, вены вздулись, забили под кожей. Он хотел убить. И не мог. Не хотел, но тело — просило.

Девочка повернулась. Дохлая тёплым дыханием ему в лицо. От неё пахло молоком и сеном.

Раданфир отшатнулся. Споткнулся, упал на пол, заскрёб когтями доски. Собака, спавшая у печи, залаяла, забила в угол. Он не слышал. Он выкатился из двери, как зверь из клетки, полетел над лесом, низко, почти касаясь верхушек сосен, и в голове билось одно: «Не могу. Не могу».

Тьма затихла.

Что-то внутри — тонкое, почти неслышимое — шептало: «Нельзя». Он не понял, почему. Приземлился на краю обрыва, вглядываясь в огонь, и чувствовал, как внутри борются два желания. Одно — простое, понятное, животное. Второе — то самое, тонкое, светлое, которое запрещало.

Он развернулся и пошёл в горы. На охоту. На зверя. Не на человека.

Он убивал зверей. Легко. Без сомнений. Волки, медведи, даже горный козёл, который случайно забрёл к стенам твердыни, — все они пали от его когтей. Он не ел их — он просто убивал. Тьма насыщалась. Но не до конца.

Шайни чоно появился на пятый день.

Тварь, огромная, чёрная, с горящими синими глазами. Она вышла из тумана, рыча, скаля пасть. Она не боялась. Она чувствовала в нём родственную силу. Зверя.

Бой был коротким. Раданфир разорвал его пополам, вырвал горло, и смотрел, как его глаза гаснут.

Но когда всё кончилось, он не почувствовал удовлетворения. Только пустоту. И голос внутри, который шептал: «Этого мало. Ты хочешь человеческой крови».

Дни потянулись чередой кровавых трапез. Он нападал на отары в предгорьях, резал овец, выпивал их кровь, бросал тушу там же, где убил. Потом — козы. Потом — коровы, которых крестьяне выгоняли на летние пастбища. Однажды он задрал лошадь — красивую, вороную, с длинной гривой. Она билась долго, била копытами, пыталась укусить. Ее глаза, большие с длинными почти человеческими ресницами были полны слез. Он видел. Он сломал ей хребет одним движением.

Мясо, кровь, сила. Мясо, кровь, сила.

Он не чувствовал вкуса. Только утоление.

Людей он по-прежнему не трогал. Даже когда мужики убирали урожай, женщины с подоткнутыми подолами стирали в горной речке белое – не тронул, взмывал в воздух, оставляя их внизу, и те видели и падали на колени, шепча молитвы Единому. Местные прозвали его Чёрным монстром. Вешали амулеты на ворота, жгли травы, приносили жертвы. А он смотрел на них из тьмы и не понимал – почему не убивает?

Потому что помнил.

Смутно, обрывками, как сон после долгой болезни. Лица. Имена. Мальчишка в приюте. Старуха, которая пахла пирогами. Пёс Дарок, умерший в грязи. И ещё одно лицо – девичье, с короткими светлыми волосами и большими испуганными глазами.

Кто она? Почему её образ не уходит? Почему тени, послушные ему во всём, не могут стереть это лицо из памяти?

Он увидел её в сумерках.

Не ту – другую. Похожую. То же сложение – невысокая, тонкая, почти хрупкая. Те же светлые волосы, падающие на плечи. Та же манера держать голову – чуть набок, будто прислушиваясь к чему-то, чего другие не слышат.

Она стояла на окраине деревни, у колодца, с деревянным ведром в руках. Рядом возился малыш – мальчик лет пяти, тянул её за юбку, просил рассказать сказку. Она улыбнулась – той самой улыбкой, тёплой, усталой, от которой у него заныло под ложечкой.

Он спрятался в тених за и смотрел. Не мог отвести взгляд.

Девушка напевала что-то тихо, набирала воду, поправляла мальчику шапку. Обычные дела – ничего особенного. Но каждая её движение отзывалось в нём болью. Не физической – другой. Той, что живёт там, где раньше была душа.

Потому что она была похожа. Не лицом – образом.

Он закрыл глаза – и воспоминания хлынули.

Она и мальчик – тот, тёмноволосый, которого звали Залу. Они идут по лесной дороге, усталые, грязные, с котомками за плечами. Она впереди, он сзади. Она оглядывается каждые несколько минут – проверяет, не отстал ли, не нуждается ли в помощи.

Она сидит у костра, перевязывает ему руку – аккуратно, сосредоточенно. Залу морщится от боли, но терпит. Она дует на ранку, спрашивается зачем если Силы у нее никакой нет. Она гладит его по голове и говорит: «Потерпи, малыш. До свадьбы заживе».

Она закрывает его своим телом, когда из леса прыгают шайни чоно – огромные, чёрные, с горящими синими глазами. Она не убегает. Стоит, расставив руки, и кричит: «Беги, Залу! Беги!» Глупая. Отважная. Безумная.

Она на рынке, среди шумной толпы. Маленькая девочка потерялась и плачет у столба. Другие проходят мимо – у каждого свои заботы. А она опускается на корточки, говорит с малышом мягко, успокаивающе. Потом достаёт из кармана носовой платок, ломает щепку, обматывает тканью – и вот уже в руках у ребёнка кукла. Смешная, неуклюжая, но такая желанная.

«Как её зовут?» – спрашивает она. «Белка», – отвечает девочка и смеётся сквозь слёзы.

А она смотрит на эту куклу и улыбается – той самой улыбкой, тёплой, усталой, которая разрывает ему сердце.

Он открыл глаза.

Девушка у колодца уже ушла – только ведро осталось стоять на срубе, да мальчик доедал яблоко, сидя на скамейке. Сумерки сгустились, превращая мир в чёрно-синее марево.

А он стоял в тених и дрожал.

Не от холода – от осознания.

Воспоминания навалились все сразу – не обрывками, а полноводной рекой, которая смыла всю животную муть, всю тьму, что скопилась за дни и недели забвения.

Она не просто выживала. Она боролась. Каждый день, каждый час, каждую минуту – за себя, за мальчика, за тех, кто был слабее. Она не сдавалась, когда мир пытался её сломать. Она вставала и шла дальше. Делала все, лишь бы сохранить себя и того, кто был ей дорог.

Она делала куклы для потерявшихся детей.

Она заслоняла собой от монстров.

Она не боялась – или боялась, но переступала через страх.

Почему? Ради чего?

Он вдруг понял, что смотрит на неё – мысленно, изнутри – и видит не жертву, не слабую девочку, которой нужен защитник. Он видит равную. Сильную.

Ту, ради которой стоило оставаться человеком.

Он вспомнил.

Всё. Её испуганные глаза в ту первую ночь у пещеры. Её крик, когда шайни чоно рвал её плечо. Её руки, перевязывающие его раны в доме Фариды – осторожные, неумелые, но такие настойчивые. Её голос, когда она шептала: «Ты не умрёшь. Слышишь? Не смей». Её лицо, когда она стояла на алтаре, привязанная ремнями, и смотрела на него с ужасом и надеждой.

Он медленно, неуклюже поднял руку – свою, чужую, с длинными когтями и черными венами – и коснулся груди. Там, под рёбрами, пульсировало что-то тёплое. Не чёрная жижа. Не тени. Что-то другое. То, что он считал давно умершим.

Он опустился на колени прямо в грязь, у старой конюшни, на окраине незнакомой деревни, и сжал голову руками. Крылья тяжело легли на землю, поднимая облако пыли.

— Я — человек, — сказал он вслух. Голос был хриплым, чужим, но это были слова. Не рык, не шипение – слова.

Он повторил, тише, но твёрже:

— Я — человек.

За околицей, над горами, вставало солнце – бледное, осеннее, почти безжизненное. Но оно вставало. Свет пробивался сквозь тучи, ложился на его лицо – на чёрные вены, на запавшие щёки, на синие, полные боли глаза.

Он медленно поднялся. Расправил крылья – огромные, чёрные, страшные. И посмотрел на восход – туда где снова преодолевая все невзгоды шла хрупкая девушка. Он чувствовал, что она жива, нет, он - знал.

Тени зашевелились у его ног – взволнованные, нетерпеливые. Но он заставил их замолчать.

Он взмыл в воздух, оставляя внизу деревню, девушку, похожую на неё, и все, что терзало его долгие недели.

Глава пятая. Деревня

Мы вышли затемно, когда звёзды ещё не погасли, а над горами только начинало сереть. Залу нёс котомку с остатками еды, я — бурдюк с водой и свёрток с теплыми вещами и свитками.

— Идём на юг, — сказала я, сверяясь с картой, которую мы нашли в библиотеке. — Через перевал, потом к реке, а там уже недалеко до границ Эльбора.

— Сколько идти? — спросил Залу.

— Две пятины. Может, чуть больше. Если не будем останавливаться.

Он кивнул. Мы пошли.

Тропа вилась между скал, петляла, терялась в осыпях и снова выныривала. Ноги скользили по мокрым камням, ветер дул в лицо, холодный, колючий. Я то и дело оглядывалась — не из-за страха погони, а по привычке. В Цитадели мы были одни, но здесь, в горах, кто угодно мог поджидать за поворотом.

— Алиса, — позвал Залу через час пути. — Ты уверена, что нам туда?

— Нет, — честно ответила я. — Но другого пути нет. Выйдем к людям, спросим дорогу.

К полудню мы спустились с перевала и вышли к лесной дороге. Здесь было теплее, пахло хвоей и прелой листвой. Хорошее время для путешествия. Хоть уже начало осени, но дни ещё тёплые и солнечные, а на ночь можно закутаться с теплым одеялом и лечь у костра.

Я разрешила остановиться — перекусить, набрать воды из ручья.

Мы сидели на поваленном дереве, жевали вяленое мясо и слушали тишину. Только ветер в кронах, да где-то далеко стучал дятел.

— Алиса, — сказал Залу, жуя. — А что мы будем делать в Эльборе?

— Найдём сестру Фариду. Её зовут Марушка. Она работает в замке, на кухне. Фарид сказал, что она может помочь.

— А если она не захочет?

— Тогда будем думать. Но я надеюсь, что она сделает это ради брата.

Залу помолчал. Потом спросил:

— А если нас узнают?

— Не узнают. — Я потрогала короткие волосы, торчавшие из-под шапки. — Я теперь не делла Алма, а просто парень. А ты — мой младший брат. Запомни: меня зовут Ализ, тебя — Алик. Мы идём в Эльбор на заработки. Из беженцев.

— А если спросят, откуда?

— Скажем, из деревни под Климдтом.

Залу кивнул, запоминая.

К вечеру мы вышли к небольшой деревне. Несколько дворов, покосившиеся заборы, дымок над крышей. Я хотела обойти стороной, но Залу потянул меня за рукав:

— Нам нужна свежая еда, вода и новости. Я схожу один, ты жди здесь.

Я не стала спорить. Залу был шустрым и сообразительным — не пропадёт.

Он вернулся через час, когда уже начало темнеть. Принёс краюху хлеба, кусок сыра и тревожные вести.

— В деревне говорят, что на севере объявился крылатый монстр, — сказал он, присаживаясь у костра (я развела маленький, в яме, чтобы огня не было видно). — Он нападает на деревни, но не на людей — на скот. Убивает овец, коров, даже лошадей. Охотники нашли однажды волка, разорванного пополам. И медведя — тот был мёртв, а на шкуре — следы когтей, каких никто не узнал.

— Раданфир? — спросила я тихо.

— Кто ж его знает. Говорят, чёрный, с крыльями, и туман за ним тянется. Но людей не трогает. — Залу помолчал. — Странно, правда? Чудовище, а людей не убивает.

— Может, он ещё не забыл, кем был, — сказала я. — Может, борется с тем, во что превращается.

— Или просто не еще не так голоден, — пожал плечами Залу.

Я не стала спорить.

На второй день мы вышли к тракту. Здесь было оживлённее — попадались телеги, всадники, пешие путники. Мы смешались с толпой, держались в стороне, ни с кем не заговаривали первыми.

Так и шли пока не пришли к придорожной станции. Поганое конечно местечко. Грязное не ухоженное, но тут путники могут поменять лошадей, перековать если требуется, поесть и отдохнуть коли рискнут. Рядом притулились два покосившихся дома, и все дальше лес.

Рядом со станцией был вбит информационный столб. Такие стояли на станциях и на площадях в городах — деревянный шест с навесом, под которым были прибиты доски с объявлениями. Обычно там писали о ценах на зерно, о наборе рабочих, о сроках ярмарок. Тут был перечень услуг предоставляемых станцией без цен.

Сейчас там висело другое.

Я подошла поближе, делая вид, что читаю. Рядом уже толпились крестьяне — шептались, качали головами.

— Император объявил, — прочитал вслух грамотей в очках, — что приор Алдарах умер своей смертью. Долго болел, мол. А его цитадель захватили негодяи. Требуется их изловить и предать суду.

Я похолодела. Залу дёрнул меня за рукав, показывая на другой лист.

Там был рисунок. Женщина — с длинными светлыми волосами, в платье. И мальчик. Мой портрет, каким меня запомнили в Танге, и портрет Залу. Подпись: «Разыскиваются делла Алма и её брат Залу. Подозреваются в убийстве и краже. Нашедшему — награда десять золотых».

— Десять золотых, — присвистнул кто-то из толпы. — Да за эти деньги можно купить дом в столице! Они что трон из под властного зада самого императора украли и убили его любимую собачку, что за них аж десять золотых дают.

— А говорили, приор сам помер, — усомнился другой.

— Так то ж для простых людей сказки, — усмехнулся третий. — А на деле, видать, его те двое и убили.

— Мелкая баба и щенок? Приора? — пробасил детина с испитым лицом. — Разве что ночью уходила старикана, а он на ней и помер.

И заржал икая и запрокидывая голову. За ним засмеялись еще несколько человек.

Я отошла от столба, стараясь не смотреть на любопытные взгляды. Залу шёл рядом, низко опустив голову, шапка надвинута на глаза.

— Не похож я на тот рисунок, — прошептал он. — Там я ещё маленький. А я вырос уже.

— И волосы у меня короткие, — ответила я. — Но лицо моё запомнили.

— Может, надеть капюшон?

— Лучше не привлекать внимания. Идём.

Мы свернули с тракта на просёлочную дорогу. Телеги здесь ходили редко, люди попадались раз в час. Так было безопаснее.

Мы останавливались два раза, чтобы поесть и наполнить бурдюки водой. Нам никто не попался и слава Единому.

На третий день мы заночевали у мельницы. Мельник — старый, сутулый, с седыми космами — пустил переночевать за медяк и не задавал вопросов. Много у него таких в пятину проходит. А так тоже денежка.

За ужином — похлёбка из репы и лепёшка — он рассказал:

— Туман проснулся, слышали? На севере, говорят, целые деревни исчезают. Придёт туман — и нет ни людей, ни скота, ни даже кур. Только пепел. У меня кум на той неделе на торг ездил. Раньше поговаривали, что северяне на нас войной пойдут, а теперь от них только беженцы. Женщины, старики да малые дети. На границе уже палаточные лагеря организовались, деревни не помещают столько. Ходят слухи, что в замерзших пустошах ледяные великаны проснулись.

— Да брешут, - ответила ему розовощекая жена. – какие ледяные великаны. Сказки это все для детей.

— Ну про туман-то не брешут. Вы слышали про туман? – обратился он уже к нам.

— Мы слышали, — осторожно сказала я.

— А вы откуда сами-то?

— Из-под Климдта.

— Значит, видели? — Мельник осенил себя кругом. — Страшно поди.

— Страшно, — кивнул Залу.

Он ушёл в свою каморку. Мы с Залу улеглись на сене, прижавшись друг к другу — ночи стали холодными.

Я лежала с открытыми глазами и слушала, как скрипит мельничное колесо. В голове крутились обрывки разговоров — про туман, про проклятие, про крылатого монстра, который убивает, пока только зверей, но когда будет пресечена последняя черта, я не знала.

Спала я тревожно, то просыпаясь, то снова погружаясь в вязкие сновидения и уже перед самым рассветом, очередной раз проводившись во тьму я увидела как на яву синие, безумно синие глаза «Алийса...».

Утром мы ушли. Мы не выходили на тракт. Я боялась патрулей, боялась торговцев и вообще опасалась лишней раз показываться на глаза кому бы то ни было. Мало ли. Вместо этого мы брели по просёлкам, лесным тропам. Карта, которую мы нашли в библиотеке Приора, помогала слабо: на ней были только большие дороги и города, а мелкие деревни, мельницы, перелазы приходилось искать на ощупь, и по сторонам света, «на глаз»..

Три дня. Три дня мы шли молча, экономя силы. Ночевали под открытым небом — в оврагах, под навесами старых елей, у поваленных стволов. Ели вяленое мясо, сухари, пили воду из ручьёв. Залу не жаловался, хотя я видела, как ему тяжело. Он стал старше за эти месяцы — не лицом, а взглядом. Взрослеют не от лет, а от того, что видят. А он видел слишком много.

На третий день, уже к вечеру, мы вышли к просёлку, который уходил в сторону тракта, но не пересекался с ним. Здесь было тихо, глухо — настоящий медвежий угол. Дорога разбита, колеи глубокие, на обочинах — папоротник в человеческий рост. Воздух пах грибами и прелой листвой.

— Дальше не пойдём, — сказала я. — Заночуем здесь, на опушке. Завтра к обеду должны выйти к тракту.

— А если патрули? — спросил Залу.

— Тогда свернём в лес. Судя по карте столица отсюда очень далеко, от Алк'аир-Нур мы тоже уже достаточно далеко ушли, не должны нас опознать.

Я уже собиралась искать место для костра, когда из-за поворота, громыхая, выехала телега. Лошадь старая, худая, но бодрая — шла ровно, не сбавляя шага. На телеге сидел дед — в соломенной шляпе, с кнутом в руке, лицо тёмное от загара, всё в морщинах, как печёное яблоко.

Он натянул вожжи, и лошадь остановилась.

— Здорово, парни! — крикнул он. Голос у него был звонкий, не по годам. — Куда путь держите?

— В Эльбор, — ответил Залу. — На заработки.

— Эльбор — это не близко, — дед покачал головой. — Дня три ходу, если напрямик. А если по дорогам — и все пять. Садитесь, подвезу до деревни. Там заночуете, а завтра — на тракт. Уж оттуда рукой подать.

Мы не стали отказываться. Забрались на телегу, устроились на мешках с овсом. Дед крикнул, дёрнул вожжи, и телега покатила дальше — медленно, но верно.

Дорога петляла между берёз и осин. Кое-где виднелись небольшие поля — уже пустые, с торчащей жнивой. Сейчас шла уборка урожая. В воздухе пахло зерном и прелой соломой.

Очень пасторальная картина открывалась. Еще было по-летнему тепло, но чувствовалось уже дыхание осени и увядание природы.

— А у вас тут спокойно? — спросил Залу, когда мы проехали с полверсты.

— А что нам сделается? — дед пожал плечами. — Лес, поле, речка. Сейчас урожай собираем — ячмень, овёс. Картошка поспела. Корова отелилась на прошлой неделе, телок крепкий, белый, с чёрным пятном на лбу. — Он усмехнулся в усы. — Вот это важно. А что там в горах, что в болотах — нам не важно. Сказки всё.

— А шайни чоно? — спросила я. — У вас их не бывает? Может другие какие звери появлялись?

Дед крикнул, покосился на меня. В его глазах мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли любопытство.

— Раньше не бывало, — сказал он после паузы. — А в этом обороте... Охотники видели одного в Заячем логу. Дней десять назад. Большой, чёрный, глазищи — как плошки. Мы таких и не видали раньше. Старики говорят, они в горах живут, выше снегов. А теперь вот спустились. — Он помолчал. — Может, зима холодная будет. Зверь чувствует.

— И вы не боитесь?

— Боюсь, — признался дед. — Да толку? Если суждено — не уйдёшь. А так — будем жить, пока живётся. Не век же вековать.

Он замолчал, похлопал лошадь по крупу. Телега скрипела, колёса стучали по корням. Лес поредел, и впереди показались дома.

Дед подвёз нас до околицы, слез с телеги, кряхтя, и указал на крайнюю избу.

— Тут кузнец живёт, — сказал он. — Мужик добрый, работающий. Пустит переночевать. А мне пора, мне заждались поди.

Он махнул рукой и поехал дальше, не оборачиваясь. Мы остались одни перед низкой калиткой, за которой виднелся добротный дом с высокой трубой и навесом, под которым угадывались очертания горна.

Залу постучал. Дверь открылась почти сразу — будто нас ждали.

На пороге стоял мужчина лет сорока, кряжистый, с руками в чёрных от угля разводах, но с открытым, улыбчивым лицом. Русые волосы выбивались из-под фартука, глаза — светлые, смеющиеся.

— Доброго дня, парни! С чем пришли? — сказал он радушно.

— Путники мы, пустите переночевать за несколько монет? Больше нет. Нам бы под крышу.

— Проходите, проходите. Никаких денег не надо. Путнику у нас редко бывают, не обеднеем от двух мисок похлебки. Нынче вечер холодный, негоже под открытым небом ночевать. У меня места хватит.

— Мы не потревожим? — насторожился Залу.

— Какое там! — Кузнец отступил в сторону, пропуская нас. — Гость в дом — радость в дом. Моя старуха похлёбку согрела, а я вас сейчас устрою.

Внутри было тепло и уютно. Пахло свежим хлебом, сушёными травами и чуть-чуть — дымом. Женщина, его жена, хлопотала у печи — полная, румяная, с выбившейся из-под платка темной прядью. Увидев нас, она заулыбалась ещё шире.

— О, у нас гости! Давненько никто не захаживал!. Раздевайтесь, садитесь к столу. У нас сегодня щи да каша, не побрезгуйте.

Мы сели. Перед нами поставили дымящиеся миски, отломали краюху хлеба, налили молока. Я ела и чувствовала, как тепло разливается по телу — не только от еды, но и от этой внезапной, почти невероятной доброты. После всех дней скитаний, после холода и страха, эта изба казалась раем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.